

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.5>.

EDN: SAEORIR

В.Д. ДМИТРИЕВА¹,

А.Ю. ШВАЯ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ

Аннотация. В статье представлен аналитический разбор выступлений и основных дискуссий на Двадцать четвертом всероссийском семинаре «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». Структурирование материалов производится не на основании хронологической последовательности, а по принципу концептуальной связности. Подобный подход позволяет реконструировать авторские позиции и выявить принципиальные теоретические противоречия, которые задали вектор развернувшихся на семинаре дискуссий. Опираясь на тезисы К. Мангейма о мультипликации и автономизации элит в условиях социальных трансформаций, авторы статьи выделяют несколько сюжетных линий, очертивших проблемное поле семинара в 2025 г. Во-первых, это проблема автономизации элит, которой сопутствует диверсификация властных групп; во-вторых, централизация власти и субъектность локальных элит. В-третьих, поколенческая динамика элит. Наконец, в-четвертых, диффузия морального порядка, которой противопоставлен «конфиденциальный менеджмент».

Ключевые слова: элиты, властные группы, институциональные порядки, мультипликация элит, диффузия.

Для цитирования: Дмитриева В.Д., Швая А.Ю. Мультиликация элит в условиях конкуренции институциональных порядков // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 4. С. 104–123.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.5>. EDN: SAEOR

В Санкт-Петербурге 23–25 октября 2025 г. прошел Двадцать четвертый всероссийский семинар «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», организованный Социологическим институтом РАН — филиалом ФНИСЦ РАН при участии Российской ассоциации политической науки, Российского общества социологов и Санкт-Петербургской ассоциации социологов. Доклады участников представляют собой большое тематическое разнообразие при сохранении классических для российской элитологии вопросов рекрутования, карьерных траекторий, социо-структурной интеграции и трансформации региональных элит и пр. Тем не менее большинство докладчиков сосредоточились не столько на анализе относительно статичных характеристик элитных структур, сколько на особенностях трансформации и размножения элитных групп, что отчасти может быть объяснено интенсивностью современной политической жизни. В этом смысле видится оправданным обращение к теоретическим объяснениям элитных трансформаций К. Мангейма, где он связывает эти процессы с либеральной трансформацией социальной структуры. Данные генерализации оказываются достаточно актуальными в попытках аналитически обобщить наиболее значимые дискуссии и ход рассуждений докладчиков. Прежде всего речь идет о двух тезисах Мангейма: мультиликация элит в условиях социальной дифференциации и потребность в автономизации элит.

Оба тезиса проблематичны как сами по себе, так и в отношении друг друга. Растущее число элитных групп в условиях социальных изменений приводит к диффузии их функций контроля в рамках отдельных социальных порядков, что в свою очередь порождает проблему сохранения автономии элит, их обособленности от других функциональных групп. В этом отношении потребность элитных групп в поддержании автономии оказывается тесно связана с их мультиликацией [2, с. 314–315]. Отталкиваясь от рассуждений К. Мангейма, можно выделить сюжеты, связанные с ростом автономизации элит

как от гражданских объединений, так и в рамках институциональной структуры политico-административной элиты. В то же время докладчики приводят примеры формирования новых элитных групп и активизацию отдельных лидеров или этнических предпринимателей. Следом исследователи обращают внимание на взаимоотношение федерального и местного уровней власти. Далее отдельная группа исследователей изучила поколенческую динамику трансформации властных групп. Наконец, выступающие указывают на конкуренцию институциональных порядков и диффузию морального контроля, тогда как, с другой стороны, исследователи отмечают рост замкнутости и обособленности принятия стратегических решений элитными группами.

АВТОНОМИЗАЦИЯ ЭЛИТЫ И ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ВЛАСТНЫХ ГРУПП

Александр Юрьевич Сунгуров (АНО Народный университет современного конституционализма, г. Екатеринбург / г. Санкт-Петербург) проследил эволюцию практик взаимодействия между представителями политico-административной элиты Санкт-Петербурга и общественными организациями и инициативами за последние 25 лет. Им были выделены ключевые этапы: принятие в 2008 г. рамочной «Концепции взаимодействия исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга с общественными объединениями и иными негосударственными некоммерческими организациями», появление «группы Сокурова» после конфликта вокруг строительства Охта-центра и т.д. Как отметил докладчик, взаимодействие постепенно становилось все более фрагментарным, практики (в особенности неформальные) сильно зависели от персон, занимавших ключевые властные позиции, в связи с чем такие практики довольно быстро сворачивались вслед за уходом персон с занимаемых должностей. Наконец, на современном этапе лишь отдельные региональные ведомства инициируют общественные слушания, в остальных случаях институциональное оформление общественных объединений и инициатив происходит усилиями либо самих низовых активистов и экспертов, либо ориентированных на публичные обсуждения депутатов Законодательного собрания города. Дистанция увеличивалась в том числе посредством использования цифровых сервисов.

В отличие от сворачивания взаимодействия власти с гражданскими объединениями в Санкт-Петербурге, в Ленинградской области масштабное строительство морского порта в районе поселка Усть-Луга стало, как показал в своем докладе *Валерий Алексеевич Ачкасов* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), стимулом к активизации этнических предпринимателей. Под этой группой следует понимать негосударственных акторов, продуцирующих модели этнической идентификации. При этом в конструктивистской логике Р. Брубейкера характерно выделение «категоризации» в качестве основного нормирующего компонента процесса этнической идентификации. Этничность в этом отношении придает большую определенность идентичности, а потому легче поддается инструментализации в дискурсе и практиках отдельных групп. Иными словами, этнические предприниматели становятся властными акторами, навязывающими определенные модели идентичности местным жителям, как это произошло, по словам докладчика, с народом водь (вожане). В данном случае наблюдается своего рода «реанимация» этнической идентичности с элементами изобретения традиций вожан (появление нового праздника как способ презентации себя этническим сообществом), что позволило включить этот народ в список коренных народов.

На другом уровне институционализации этнические сообщества предстают в исследовании *Петра Вячеславовича Панова* (Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь), изучившего политические партии этнических меньшинств Европы. Этнических маркированы партии, социальной базой которых являются определенные этнические группы, чьи интересы они пропагандируют. При этом сама этничность, согласно подходу М. Вебера, основывается на субъективных представлениях людей об общности своего происхождения, а не на факторе общей территории. В ситуации этнического голосования возникает вариативность электоральных результатов, зависящих от избирательной системы (в частности, пропорциональная система способствует успеху этнических партий) и этнической структуры населения. Соответственно, электоральная динамика этнических партий имеет два измерения: динамику электоральных результатов и трансформацию этнического сегмента партийной системы. На основании анализа электоральной статистики (электоральные циклы с 2014 г.) П.В. Панов пришел к выводу о влиянии этнерегионализма на выборы

в национальные парламенты Европы. В то время как этнические партии ограничиваются политико-культурной повесткой, этнорегионалистские партии выдвигают территориальные требования. На практике это выражается во встраивании этнических партий в страновый контекст и общеевропейский тренд на мультикультурализм и, напротив, в ориентации этнорегионалистских партий на региональный уровень. Последние, как отметил П.В. Панов, оказываются более склонны к колебанию электоральных результатов и внутренней фрагментации, расколу по линии «сепаратизм-автономизм».

Пример значительной автономизации отдельных групп политической элиты рассматривается в исследовании *Александры Борисовны Даугавет* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург). Принимая ряд неоинституционалистских теоретических предпосылок, она рассматривает функционирование Санкт-Петербургской региональной политico-административной элиты через анализ эволюции институциональных практик. Неформальные практики оказываются конституирующими по отношению к реальным властно-политическим отношениям в регионе. Среди таких практик были выделены организационные и практики взаимодействия (или обмена). Как отмечает исследователь, такая диспозиция привела к кризисному периоду «двоевластия» спикера Законодательного собрания и губернатора (с 2016 по 2021 г.), что закончилось упразднением т.н. «коллективной поправки» как практики обмена, переводом спикера В. Макарова и его сторонников на другие позиции с целью нейтрализации, отменой ограничений на срок избрания губернатора региона и репрессиями против муниципалитетов. Такое изменение функции контроля административной элиты региона над политической докладчик называет переходом «от договорного режима к директивному». Характерным продолжением последнего стало появление в 2022 г. Молодежного парламента, который также выполняет функцию административного контроля.

Не являются исключением в отношении общих процессов институциональной автономизации и партийные элиты. Так, *Денис Борисович Тев* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург) изучил динамику рекрутования регионального депутатского корпуса КПРФ на основе сравнения биографических данных, собранных в 2011 г. и 2025 г. По словам докладчика, исследование показало существенное

воспроизведение социально-структурных характеристик, устойчивость иерархии каналов рекрутования, что говорит о возросшей степени институционализации сегмента региональной политической элиты КПРФ. Вместе с тем исследователь фиксирует уменьшение доли выходцев из администрации, что существенно выделяет депутатский корпус партии на фоне менее оппозиционных политических сил. В то же время это связано и с ограничением присутствия членов КПРФ в публичных органах власти (включая административные). По этим же причинам уменьшается и число выходцев из Госдумы. Уменьшилась доля бывших номенклатурных работников, что приводит к обновлению партийного корпуса политической элиты. Наконец, сохраняется значительный уровень плутократизации, хотя такие депутаты редко оказываются выходцами из крупного бизнеса.

На этом фоне довольно показательны попытки партийных элит преодолеть свою обособленность, характерную для политico-административной элиты в целом. Одной из таких попыток является разработка цифровых игровых сервисов, которые подробно разобрала в своем докладе *Наталья Владимировна Колесник* (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург). В фокусе исследователя была проблема интеграции политическими партиями техник геймификации в свои избирательные кампании, а также во взаимодействие с потенциальными молодыми сторонниками. Как подчеркивает Н.В. Колесник, геймифицированные практики коммуникации не ориентированы на получение удовольствия пользователями, но, напротив, оказываются довольно стратегической алгоритмизированной формой вовлечения. Среди российских партий активнее всего презентируют себя посредством игровых цифровых техник «Единая Россия», КПРФ и ЛДПР, при этом последняя партия заметно лидирует по креативным решениям. Тем не менее игровые практики, среди которых преобладают конкурсы (но также присутствуют тесты и викторины) не выходят за рамки базового уровня вовлечения, предлагая лишь пассивное информирование, а не активное сотрудничество. Любопытным оказывается и то, что среди призов доминируют материальные, а не виртуальные награды. Также геймификация партий выстраивается на базе платформ социальных сетей, не создавая автономной цифровой системы, что делает довольно затруднительным доступ

к таким продуктам, оставляя их преимущественно для внутрипартийной публики.

Наконец, значимой теоретической проблематизацией в рамках темы данного раздела стал доклад Любови Александровны Фадеевой (Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь), посвященный взаимоотношению между личностным и институциональным измерениями власти. Политические лидеры действуют в институциональной среде, но обладают способностью трансформировать сложившиеся нормы и «правила игры». Хотя эта способность, реализуемая преимущественно в кризисные периоды, характерна для всех политических режимов, именно в автократических обществах влияние лидеров становится доминирующим. Выступая в качестве агентов институциональных изменений, лидеры могут опираться на персональную харизму и поддержку населения, мобилизация которой требует использования актуальных каналов политической коммуникации — учета фактора медиатизации. В данном случае показательны предпринимаемые национальными лидерами попытки выстраивания новых политических идентичностей: от *MAGA* до концепции «китайской мечты». Напротив, институциональная власть через установление формальных правил и процедур обеспечивает стабильность политического процесса, предоставляя лидерам гарантии политической легитимности. Как следствие, в условиях снижения институционального доверия, вызванного ростом различных форм неравенства (внутри- и межстратового, цифрового и пр.), актуализируется вопрос доверия политическим лидерам. Это отражается в материалах социологических опросов и экспертных оценок применительно к странам, претендующим на занятие ведущих позиций в трансформирующемся глобальном порядке. Резюмируя, Л.А. Фадеева подчеркнула необходимость осмысливания взаимного влияния институтов и политических лидеров, находящихся в центре неформальных элитных сетей.

ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И ЛОКАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ

Локальные элиты — как входящие во властные структуры, так и не относящиеся к ним — выступают важнейшими игроками при выработке и реализации проектов развития территории. В этом смысле характер внутриэлитного взаимодействия оказывает влияние на локаль-

ную политику, конфликтный потенциал которой продемонстрировала в своем докладе Алла Евгеньевна Чирикова (Институт социологии РАН ФНИСЦ РАН, г. Москва). На материалах интервью были выявлены практики взаимодействия иностранных инвесторов с региональной и муниципальной властью в малом российском городе / районе Ивановской области. Наличие развитой инфраструктуры и рабочей силы маркируется значимым, но недостаточным условием привлечения иностранных инвесторов. Согласно позиции А.Е. Чириковой, именно способность властей к снятию возникающих противоречий и налаживанию переговорного процесса становится решающим фактором. Если согласование интересов локального сообщества (территории) и иностранного капитала является задачей губернатора, то коммуникация с ним осуществляется через муниципальную власть. Как следствие, сопротивление части элитного корпуса и населения вхождению иностранного бизнеса напрямую связано с уровнем доверия к местной власти.

Власть в городе и локальная политика выступили также предметом исследования Юрия Александровича Пустовойта (Новосибирский государственный университет; Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Новосибирск). Поскольку ни одна из распространенных политических теорий — элитизм, плюрализм и теория режимов — не объясняет произошедшее за последние десять лет изменение властных конфигураций в Новосибирске и области, Ю.А. Пустовойт обратился к теории ассамбляжей М. Деланды. В данном ракурсе власть выступает децентрализованным распределительным эффектом, который возникает при взаимодействии человеческих и нечеловеческих акторов, а ассамбляж власти — динамическим образованием или изменчивой конфигурацией таких гетерогенных элементов. Картографирование перехода от плюралистической властной конфигурации, опиравшейся на паттерн координации, к централизованному контролю дает следующие результаты. Дестабилизация / дестабилизация старых ассамбляжей связана с исчезновением их ключевых компонентов (лидеров-символов), экспрессивным (давление локальных нарративов федеральной повесткой) и материальным (отмена выборов мэра) внешним фактором, а также инфраструктурными ограничениями. Территориализация нового ассамбляжа, напротив, обусловлена адаптивностью его компонентов (самостоятель-

ность при принятии оперативных решений) и нарративов (встраивание в официальный дискурс), а также ресурсами городской инфраструктуры. Результатом стало возникновение нового социального порядка, при котором утрата ассамбляжами способности к производству конкурентных / альтернативных проектов развития города и региона сопрягается с потерей материальных ресурсов, в том числе должностных позиций [4].

Продолжая тематику локального измерения власти, Илья Александрович Хабаров (Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; Общественная палата Тамбовской области, г. Тамбов) акцентировал внимание на двойственной природе местного самоуправления — государственной и общественной. Координация этих компонентов МСУ, осуществляемая в правовом, административном и политическом полях, раскрывает как приоритеты национальных и локальных элит, так и специфику самоорганизации граждан (локальных сообществ). В связи с этим осмысление текущей муниципальной реформы в России, апеллирующей к категории публичной власти, требует учета территориальных, коммуникативных, административных и символических пределов / ограничений публичного пространства. Подчеркнув единство приватного и публичного — тождество человека и среды — в случае местных сообществ, И.А. Хабаров пришел к выводу о том, что интеграция МСУ в систему публичной власти производится посредством «административного потока». Это нисходящее использование элитами административного ресурса, формирующего пространство регионов и муниципальных образований. В данном контексте, как отметила Ольга Валентиновна Попова (СПбГУ; СЗИУ РАНХиГС, г. Санкт-Петербург), актуальность получает проблематика политического лидерства на местном уровне. На основании пилотных экспертных интервью установлено, что дискуссии о самой возможности муниципального лидерства опираются на ограниченный набор аргументов, отсылающих к его институциональным особенностям: нехватке полномочий и ресурсов, неполитическому («хозяйственному») характеру деятельности и отсутствию последователей у муниципальных властей, а также к невысокой вероятности использования органов МСУ в качестве «карьерного лифта» в политику. Однако вторичный анализ данных серий исследований, проведенных в ЦАО

г. Москвы, свидетельствует о формировании нового типа муниципальных лидеров. Этот процесс сопряжен с перераспределением ответственности за реализацию государственных программ сверху вниз, при котором главной социальной функцией муниципальной власти остается самоорганизация локального сообщества. О.В. Попова предложила определять муниципальное лидерство через способность местных депутатов и представителей местной администрации напрямую или через специальные механизмы принимать гласные и обязательные для исполнения решения в интересах местных жителей.

ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ЭЛИТ В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Приход более молодых поколений властных групп усиливает чувствительность элиты к диффузным воздействиям одних институциональных порядков на другие. Определив политическую элиту в качестве одного из основных сегментов политической жизни, *Дмитрий Валерьевич Покатов* (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов) акцентировал роль этой социальной общности в консолидации современной российской политики. Поскольку профессионально-личностный потенциал политической элиты зависит от поколенческих характеристик — особенностей социализации и жизненного пути, ценностных ориентаций и пр., поколения оказываются важной переменной в исследованиях элитных групп. На основании контент-анализа биографий федеральной и региональной политической элиты (регионы Среднего и Нижнего Поволжья) Д.В. Покатов пришел к выводу о переплетении поколенческих срезов в структуре российской элиты. При этом наименее представлено поколение новейшего периода 1990 — начала 2000-х гг., концентрация которого наблюдается в парламентской / выборной элите. Губернаторский корпус в свою очередь демонстрирует тенденцию к рекрутированию «молодых технократов» (сотрудников крупных и средних бизнес-структур), взгляды и управленческие подходы которых расходятся с настроениями молодежных групп. Как отметил в своем докладе *Виталий Олегович Гашков* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), молодое поколение обеспечивает одновременно преемственность и инновационный потенциал

политической элиты. В российских реалиях поколение до 35 лет при превалировании социально-гуманитарных и управленческих специальностей обладает высоким образовательным капиталом, полученным в основном в столичных вузах. Молодая региональная элита более склонна к гибридизации карьерных траекторий, важнейшей из которых оказывается служба в органах государственной и муниципальной власти. Напротив, на федеральном уровне ключевым каналом элитного рекрутования выступают политические партии. Изучив молодое поколение российских миллиардеров, Елена Антоновна Швецова (НИУ ВШЭ, г. Москва) выявила тенденцию к расширению и обновлению экономической элиты страны. Эти процессы обусловлены изменением социального порядка и институциональных условий в период международной турбулентности. Они находят выражение не только во внутрисемейной передаче крупного капитала, но и в формировании нового поколения бизнес-элиты, преимущественно занятой импортозамещением. В отличие от первого поколения экономической элиты, возникшего при переходе России к рыночной экономике, социализация молодых миллиардеров вписана в глобальную перспективу. Согласно Е.А. Швецовой, подобный поколенческий разрыв может привести к изменению способов управления капиталом и ценностных установок сверхбогатых (например, принятие социальной роли «наследника-филантропа»).

«КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ» И ДИФФУЗИЯ МОРАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Чрезвычайно ценной для построения концептуальных связей между многими докладами на прошедшем семинаре стала перспектива изучения элит в пространстве конкурирующих институциональных порядков. Наиболее четко ее актуализировал в своем докладе Александр Владимирович Дука (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург). Ключевым сюжетом доклада стал процесс мультиплексии социальных порядков (тезис К. Мангейма), который в свою очередь становится предпосылкой для институциональной дифференциации элит. Этот процесс, по словам А.В. Дуки, приводит к дезориентации в определении центра власти и ответственности как внутри властного сообщества, так и в социetalном масштабе. Однако поскольку

констелляции институциональных порядков не являются просто соположенными друг другу, но представляют собой определенную иерархию в современных обществах, неминуемо происходит властное проникновение одних порядков в другие. Элиты в этом смысле определяются докладчиком как «агенты-регуляторы», которые способны направлять и задавать процесс трансформации порядков. Несмотря на это элиты сами оказываются подвержены социetalным процессам трансформации институциональных порядков, что приводит к мультипликации властных групп. В попытке описать современную констелляцию институциональных порядков А.В. Дука дополняет модель Ч.Р. Миллса и Г. Герта [6, с. 25–26] иерархической логикой социальных порядков Р. Парка [3]. Результатом такого теоретического синтеза становится утверждение о доминирующей роли морального порядка, властные агенты-регуляторы которого оказываются далеко не монолитны, а их контроль и инфильтрация властных агентов других порядков диффузными. Тем не менее моральный порядок во многом имеет признаки тотального институционального порядка, без которого невозможна легитимация властующей элиты.

Одной из ключевых иерархий, которая уже достаточно давно автономизировалась в рамках политического институционального порядка, безусловно, является бюрократия. *Владимир Львович Римский* (Московский психолого-социальный университет, г. Москва) предлагает понимать ее, с опорой на смыслогенетическую концепцию эволюции культуры А.А. Пелипенко, как продукт логоцентризма. Последнее понятие описывает одновременно и культурный процесс, начавшийся в Античности, и определенную систему смыслов и ментальных характеристик, выраженных прежде всего в идее публичного служения, четкости моральных категорий, убежденности в необходимости соблюдения законов и т.д. Процесс разложения логоцентризма, согласно концепции Пелипенко, начался с конца позднего Средневековья и длится до сих пор в современных обществах (прежде всего в европейских). В этой связи, по словам докладчика, современная бюрократия отходит от своих изначальных культурных принципов функционирования к постколоцентристическим. Последние характеризуются сосредоточенностью административной элиты на самообеспечении, отказом от идеи служения, неэффективным решением значимых общественных проблем

и неспособностью стратегического планирования развития. Распад скреплявших ранее бюрократию функциональных задач на множество локальных групповых интересов сопровождается распадом моральной системы оценивания такового функционирования (как самими администраторами, так и гражданами). Данная объяснительная схема оказывается достаточно близкой к теме мультипликации элит и диффузной роли властных агентов в различных институциональных порядках, представленной ранее А.В. Дукой. Еще одной властной группой, которая выделяется в последние годы в рамках экономического институционального порядка и осуществляет воздействие на политический посредством прогрессистских и технократических нарративов, а также контроля за новыми медиа и потоками информации, является «цифровая элита». Постепенное встраивание этой властной группы в структуры властвующих национальных элит отметил в своем докладе Александр Павлович Кочетков (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва). По его словам, представители российской «цифровой элиты» уже достаточно успешно ведут лоббистскую деятельность, достигая ряда преимуществ для своих компаний в конкуренции с иностранными цифровыми гигантами. Вместе с тем цифровые технологии расширяют возможности политического управления через более плотный контроль за информационными потоками. Однако, как заметила А.Е. Чирикова, на данный момент представители т.н. «цифровой элиты» не могут в полной мере конкурировать с другими представителями экономической элиты, возглавляющими список *Forbes*.

Если же говорить о том, какие группы могут выполнять диффузные роли морального контроля над элитными персонами в различных институциональных порядках, то одной из них вполне обоснованно являются интеллектуалы. Проанализировав развитие левой и левоцентричной интеллектуальной элиты во Франции, Наталья Юрьевна Лапина (ИНИОН РАН, г. Москва) обнаружила существенные изменения как в формах и каналах влияния интеллектуалов на политику и политические элиты, так и в самом характере интеллектуальной агентности. Так, произошедшие после 1970-х гг. идеологические изменения привели к ослаблению объединяющих для французских интеллектуалов метанарративов. Последующая дифференциация и идейная фрагментация интеллектуальной элиты привела к переходу от публич-

ной фигуры «интеллектуала-универсала», догматично транслирующего новые большие нарративы, к роли «интеллектуала-профессионала», сводимой чаще всего к функционалу эксперта. Изменились и ключевые медиа: исследования уходят на второй план по сравнению с публичным присутствием и регулярным комментированием событий. Несмотря на такую фрагментированность, представители французской интеллектуальной элиты, по словам докладчика, оказываются солидарными в диагностировании «деклинизма», т.е. кризисного состояния современной Франции, исходя из различных профессиональных перспектив.

В контексте диффузной инфильтрации моральными агентами-регуляторами властных акторов из других институциональных порядков одним из ключевых инструментов ее реализации является сакрализация. Этот процесс, как настаивал в своем выступлении Константин Федорович Завершинский (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), позволяет связывать в культурной памяти прошлое, настоящее и будущее. Создаваемые в ходе сакрализации (как части политики памяти) наиболее действенные темпоральные режимы позволяют преодолеть разнородность «локальных и повседневных интерпретаций оснований национального единства». Конституируемый сакрализацией темпоральный режим в свою очередь является процессом традиционирования, обеспечивающим пролонгирование и культивирование трех главных своих составляющих: «повторяемости», «артикулированности» и «управляемости». Устойчивой константой повторяемости является сакрализация героической жертвенности (позитивного мимезиса), которая со временем уступает место практикам виктимизации (негативному мимезису), производящим другие нарративы насилия. Тем не менее сакрализация продолжает выполнять свою основную функцию, которая состоит, согласно Р. Жирару, в поддержании и переучреждении социального порядка через символизацию коллективного насилия.

Несколько иначе на политическую символизацию предложила посмотреть Ольга Юрьевна Малинова (ИНИОН РАН, г. Москва), изучавшая конструкт идентичности региона, отражающий видение региональных элит и отличающийся от категории региональной идентичности, под которой понимается принадлежность индивида или социальной группы к месту. Идентичность региона — прежде всего репрезентация территории и населения — является результатом вы-

бора, совершающего производителями смыслов для воздействия на представления масс. В этом плане новой технологией политической коммуникации и инструментом символической политики выступают мультимедийные выставки. Они позволяют не только создавать и транслировать определенный контент (образы, нарративы и пр.), но и придавать его потреблению досуговый характер. Как отметила О.Ю. Малинова, подобный формат, включая выставки «Россия» на ВДНХ (2023–2024 гг.) и «Путешествие по России» в Экспоцентре (2025 г.), становится частью проводимой государством идеологической политики. Результаты сравнительного мультимодального анализа выставок, на которых были представлены экспозиции субъектов РФ, свидетельствуют об отличиях в подходах региональных элит / администраций к реализации символической политики, а также к продвижению федеральной повестки, заданных государством идеей и ценностей.

Значимым инструментом в борьбе социальных групп за власть является контроль над политическим языком, посредством которого артикулируются политические идеи, включая представления о хорошем общественном устройстве, и выстраивается политическая аргументация. При этом сама власть выступает важнейшим политическим понятием, концептуализация которого влияет на политическое мышление и поведение людей в сфере политики. Как продемонстрировал в своем докладе *Валерий Георгиевич Ледяев* (НИУ ВШЭ, г. Москва), разработка собственного понятийного аппарата представляет особый интерес для общественных групп, апеллирующих к необходимости изменения социального порядка. Показателен пример феминистской концепции власти Э. Аллен, направленной на преодоление определенной формы социального / политического господства («мужского доминирования»). Эта концепция встраивается в общий тренд по расширительной или многомерной трактовке власти, но обладает одновременно диффузным и нормативным характером. В данном ракурсе В.Г. Ледяев подчеркнул, что позиционирование конкретной концепции власти и связанных с ней политических категорий в качестве наилучшей не способствует развитию академических дискуссий. Концептуальные дебаты, согласно позиции В.Г. Ледяева, должны учитывать существенную оспариваемость основных политических понятий. Сопряженность последних с ценностями не только препятствует формулированию нейтральных

дефиниций, но и стимулирует выработку и осмысление (аналитических) подходов к концептуализации политики.

Линия интерпретации, связанная с диффузными формами властвования и моральными элитами, была подвергнута резкой критике в докладе Александра Ивановича Соловьева (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва). Он предложил различать *власть* как реализованную способность к принуждению и *доминирование, влияние и всякого рода возможность*, которые являются лишь предтечами власти. В той же логике докладчик предложил не использовать категории морали в разговорах об элите, поскольку в корне властных отношений лежит насилие. Элиты в свою очередь как правящее меньшинство нацелены на полное отчуждение от рамок общественной морали. Такой радикально критический фокус приводит А.И. Соловьева к выводу о том, что за публичными практиками стоит совершенно другой пласт практик, которые для исследователя почти невозможно «рассекретить». Тем не менее докладчик предлагает аналитически различать рутинное администрирование, осуществляемое в логике формальной иерархии, и принятие значимых политических решений, которые подразумевают крупный переток ресурсов. Последняя деятельность осуществляется узким кругом лиц, принимающих решения, ядром элиты, способным пренебречь институциональными ограничениями, создавая собственные институциональные барьеры для обособления от внешнего воздействия общественных и иных сил. Функционирование такого латентного пространства принятия политических решений, о котором А.И. Соловьев писал ранее [5, с. 25], становится возможным благодаря особому «конфиденциальному менеджменту», включающему внутреннюю самоорганизацию участниками сетевого сообщества «вета-пространств». Важным оказывается то, что высокопоставленные политические управленцы, по мысли докладчика, остаются в стороне от принятия решений, становясь своего рода «одноразовой элитой», которая назначается властвующим сообществом публично ответственной за те или иные провалы управления. В такой же логике мораль и идеологические дискурсы оказываются своего рода имитацией, не оказывающей влияния на ход принятия значимых политических решений. Реагируя на возражения А.В. Дуки о том, что ядро элиты также вырабатывает свою мораль, определенным образом согласующуюся с публичной, А.И. Со-

ловьев отрицает наличие признаков морали у таких корпоративных представлений, поскольку к морали можно отнести лишь те принципы, которые поддерживаются и имеют распространение в обществе.

Несколько в ином ключе интерпретирует целеполагание элит в своем докладе *Владимир Александрович Гуторов* (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), предлагая политико-теоретическое осмысление элиты в связи с концепцией стратегической культуры. Поскольку понятие стратегической культуры отражает фундаментальную потребность государства в безопасности, изначально оно рассматривалось в контексте национальных традиций. Проходившее в несколько этапов включение этого понятия в международную политическую теорию сопровождалось переходом от статичного к динамическому его пониманию. Особого внимания, по мысли В.А. Гуторова, заслуживают дебаты между К. Греем и А. Джонстоном об исходных принципах, на которых должна основываться непротиворечивая дефиниция стратегической культуры, зависящая от ответа на вопрос: отделима ли культура от поведения людей? Подобная реконцептуализация понятия учитывает философское наследие А. Грамши, акцентировавшего стратегическую роль культурных институтов в теории революционных изменений. Именно «грамшианская перспектива» позволила А. Коэну определить элиту как неявную социокультурную группу, представители которой занимают высшие позиции и координируют свои стратегии действий. Развитие данных методологических установок — от концепции «символической элиты» Т. ван Дейка до дискурсивного институционализма В. Шмидт — способствовало реинтерпретации стратегической культуры. Сейчас она описывается через эпистемические сообщества или субкультуры, которые базируются на мировоззрении элитных групп. Элита в свою очередь идентифицируется скорее через образ действия (*modus operandi*), чем через схожесть институциональных позиций. Как резюмировал В.А. Гуторов, эволюция теорий элит имеет нелинейный характер [1].

* * *

Представленные в данном обзоре исследования демонстрируют как диверсификацию элитных групп с диффузией отдельных функций, так и обособление властных сообществ в попытке сохранить собствен-

ную автономию и контроль над работой институциональных порядков. В этом отношении важными оказались дискуссии участников семинара, обнажившие различие теоретических позиций исследователей в оценке элитных трансформаций, мыслимых в отрыве от социальных трансформаций или в связи с ними.

Прежние проблемы, связанные с растущей ролью центральной власти, подавляющей автономии (в том числе институциональные) локальных элит, увеличением доли администраторов в региональном депутатском корпусе, плутократизацией, ограничениями доступа интеллектуалов и гражданских объединений к принятию значимых политико-административных решений остаются актуальными. Однако итогом семинара этого года становится не только фиксация перечисленных характеристик властных групп, но теоретическое и эмпирическое изучение трансформаций, которые они вызывают.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитриева Валерия Денисовна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** ms.valeria.spb@mail.ru.

Швая Андрей Юрьевич — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** andrewshvaya@gmail.com.

Research Article

VALERIIA D. DMITRIEVA¹,

ANDREY YU. SHVAYA¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia

MULTIPLICATION OF ELITES IN THE CONTEXT OF COMPETITION OF INSTITUTIONAL ORDERS

Abstract. This article presents an analytical overview of the presentations and key discussions at the Twenty-fourth All-Russian Seminar “Sociological problems of Power Institutions in the Context of Russian Transformation”. The materials are structured based on conceptual coherence rather than chronological sequence.

This approach allows us to reconstruct the authors' positions and identify the fundamental theoretical contradictions that defined the vector of the seminar's discussions. Drawing on K. Mannheim's theses on the multiplication and autonomization of elites in the context of social transformation, the authors identify several themes that outline the 2025 seminar's focus. First, there is the issue of elite autonomization, which is accompanied by the diversification of power groups. Second, the centralization of power and the subjectivity of local elites. Third, the generational dynamics of elites; and finally, the diffusion of moral order, which is contrasted with "confidential management".

Keywords: elites, power groups, institutional orders, multiplication of elites, diffusion.

For citation: Dmitrieva V.D., Shvaya A.Yu. Multiplication of elites in the context of competition of institutional orders. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 104–123. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.5> (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valeria D. Dmitrieva — Junior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** ms.valeria.spb@mail.ru.

Andrey Yu. Shvaya — Junior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** andrewshvaya@gmail.com.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Гуторов В.А. Стратегическая культура элиты: политico-теоретические аспекты аналитики // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 7–30. <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.1>. EDN: PHQTOY
Gutorov V.A. Strategic culture and elites: political-theoretical aspects of analytics. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 7–30. <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.1>. (In Russ.)
2. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994. С. 277–411.
Mannheim K. Man and society in an age of reconstruction. [Russ. ed.: Chelovek i obshchestvo v epokhu preobrazovaniya. Transl. from Germ. and Eng. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow: Jurist, 1994. P. 277–411.]

3. Парк Р. Экология человека // Теория общества: фундаментальные проблемы. М.: КАНОН-пресс-Ц, 1999. С. 384–400.
Park R.E. Human ecology. [Russ. ed.: *Ekologiya cheloveka*. Park R.E. *Teoriya obshchestva*. [Theory of culture]. Moscow: KANON-press-Ts publ., 1999. P. 384–400.]
4. Пустовойт Ю.А. Четыре масти ассамбляжа власти: институты и политики в сибирском мегаполисе. Десять лет спустя // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 3. С. 85–103. <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>. EDN: PZNLB
Pustovoit Yu.A. Four suits of the assembly of power: institutions and politicians in the Siberian metropolis. Ten years later. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 3. P. 85–103. <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.3.4>. (In Russ.)
5. Соловьев А.И. Государство, элиты и инновации: противоречия поля политики // Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира: материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15–16 февраля 2019 г., г. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. С. 19–30.
Solovyev A.I. Gosudarstvo, elity i innovatsii: protivorechiya polya politiki [The state, elites and innovations: Contradictions in the field of politics]. *Rossiiskaya elitologiya: innovatsionnye otvety na vyzovy sovremenennogo mira: materialy Tret'ego Vserossiiskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem 15–16 fevralya 2019 g., g. Rostov-na-Donu* [Russian elite studies: Innovative responses to the challenges of the modern world: Proceedings of the Third All-Russian Congress of Elitism with international participation on February 15-16, 2019, Rostov-on-Don]. Rostov on Don: YuRIU RANKhiGS. 2019. P. 19–30. (In Russ.)
6. Gerth H.H., Mills C.W. Character and social structure: The psychology of social institutions. N.Y.: Harcourt, Brace & Co., 1953. 490 p.